

Несколько историй про копирайт и культуру

Необычный случай произошел австралийским летом 2002 г.: январские столичные газеты пестрели заголовками, извещающими читателя, что активисты из палаточного посольства аборигенов похитили герб, украшавший западный постамент у входа в здание старого парламента в Канберре, объявив, что изображенные на нем кенгуру и эму являются их культурной собственностью. Акция была приурочена к тридцатилетию аборигенного палаточного посольства.

Нужно сказать, что австралийское законодательство не предусматривает наказаний за осквернение государственной символики — вы можете топтать или сжигать флаги любой страны или уничтожать их гербы при условии, что они были куплены или унаследованы, то есть принадлежат вам лично, иначе это квалифицируется как посягательство на чужую собственность. Вы можете также уничтожать или осквернять символику любого государства, пусть при стечении народа, но не непосредственно перед посольством страны, чьи герб или флаг попали к вам в руки — этот поступок считается нарушением общественного порядка.

В краже австралийского герба был обвинен известный активист Кевин Буззакотт, известный среди экологов и защитников прав аборигенов как дядюшка Кев, который заявил, что кенгуру и эму являются тотемами племени Арубунна и потому их изображения не могут использоваться без согласия старейшин племени (рис. 1). Дядюшка Кев утверждал также, что австралийская авиакомпания “Quantas” не может использовать знаменитого летающего кенгуру, который является логотипом этой компании с 1944 г. Активисты палаточного посольства подали исковое заявление в Верховный суд, в котором сообщалось, что вся местная фауна и флора, включая ее изображения, принадлежит аборигенам и копирайт на ее тиражирование не может использоваться без их письменного согласия [Probin 2002].

Дело о похищении бронзовой эмблемы государственного герба, принадлежащей короне, рассматривалось австралийском судом в течение трех лет. В апреле 2005 г. Буззакотт был арестован за неявку на очередное судебное заседание. Двумя днями раньше он пытался вынести эмблему из зала суда, заявив, что она принадлежит аборигенам.

Суд завершился тремя днями позже вынесением приговора, по которому Буззакотт получил год условно¹.

Пять лет спустя другой австралийский абориген Сол Беллеар из Совета аборигенов Нового Южного Уэльса обвинил чемпионов мира по фигурному катанию Оксану Домнину и Максима Шабалина в совершении воровства. Российская пара, готовившаяся тогда к Олимпийским играм в Ванкувере, на чемпионате страны в Санкт-Петербурге представила новый танцевальный номер под названием «Танец аборигенов». «Это очень оскорбительно, — заявил Сол Беллеар, — мы рассматриваем это как воровство культуры древних местных жителей, и это еще один пример эксплуатации аборигенов Австралии. Эти танцы могут быть основаны на церемонии, предназначенной только для мужчин или только для женщин. Это не только посягательство на интеллектуальную собственность. Это бескомпромиссное культурное воровство»². Заявление было растиражировано мировыми агентствами новостей и едва не привело к срыву программы олимпийских выступлений этой пары [Oxley 2010].

На самом деле танец был весьма далеким от существующих танцев австралийских аборигенов стилизованным подражанием, использующим мотивы и элементы танцев коренных народов разных частей планеты, лишь костюмы напоминали об аборигенах Австралии (рис. 2). Впрочем, Оксана Домнина в своем блоге на сайте этой пары в записи от 2 ноября 2009 г. действительно писала об австралийских аборигенах (блог имеет и английскую версию, из которой впоследствии исчезло именно упоминание Австралии)³. Представители коренных народов Канады, из числа присутствовавших на церемонии открытия Олимпиады, действительно выразили свою обеспокоенность костюмами, однако после встречи с парой они подарили фигуристам традиционные красно-бело-черные одеяла, которые те накинули на себя после обязательного танца. Шабалин сказал, что представители коренных народов Канады были очень приветливы и пожелали им удачи.

Огромное число подобных конфликтов, возникающих по поводу защиты разных форм интеллектуальной собственности — брендов, логотипов, патентов, копирайта, ноу-хау, — содержит книга американского антрополога Майкла Брауна «Кто владеет туземной культурой?» [Brown 2004], публикация перевода которой запланирована в издательстве

¹ Документы по этому делу размещены на сайте Верховного Суда Австралии <<http://www.courts.act.gov.au/supreme/judgmentsca/buzzacott.htm>>.

² С комментариями австралийцев читатель может познакомиться на сайтах австралийских газет “Courier Mail” и “Sydney Morning Herald”, опубликовавших 21 января 2010 г. статьи об этом конфликте, в которых обсуждается и тема копирайта: <<http://www.couriermail.com.au/news/national/skaters-stole-aboriginal-dance/comments-e6freooo-122582226740>>; <<http://www.smh.com.au/opinion/politics/russian-ice-dancers-should-rethink-their-routine-20100121-mnwj.html>>.

³ С английской версией блога читатель может познакомиться на английской версии сайта фигуристов <<http://en.domnina-shabalin.ru/blog/>>.

«Прагматика культуры»⁴. Дело в том, что в международном авторском праве уже несколько десятилетий существует понятие, пока чрезвычайно редко оказывающееся в фокусе российских политических, правовых и научных дискуссий; в силу этого пока отсутствует и его общепринятый перевод — в английском языке оно обычно обозначается выражением “traditional cultural expressions” (ТСЕ; иногда также — “expressions of folklore”), которое буквально можно передать как «традиционные культурные произведения» или «произведения фольклора». Элементы фольклорных традиций используются сегодня в государственной символике многих стран мира, товарных знаках (брендах) промышленных корпораций, в символике государственных служб и учреждений, а фольклорные мотивы (мифы, легенды, орнаменты и музыкальные произведения) — в творчестве современных поэтов, писателей, художников и композиторов. Вся эта вселенная присвоенных символов приносит немалые доходы их нынешним владельцам.

История правовой защиты произведений фольклора начиналась не с фольклорных текстов, ритуалов, танцев, традиционных рисунков, архитектуры, костюмов или иных ремесленных изделий, но именно с песенно-музыкального жанра, поскольку исторически именно он оказался основанием для пересмотра складывающейся концепции копирайта в рамках защиты традиционной культуры. Насколько известно специалистам [Dommann 2008: 3], одним из первых случаев правовой защиты этого фольклора стал договор, заключенный в январе 1954 г. между американской звукозаписывающей фирмой «Темпо Рекордс» и государственной афганской радиостанцией «Радио Кабул». Этот договор предоставлял американской компании исключительные права записи местной музыки на всей территории Афганистана. По всей видимости, он был выгоден обеим сторонам, поскольку «Радио Кабул» получало деньги и качественные звукозаписи местного фольклора, которые могло затем использовать в своих передачах, а звукозаписывающая фирма — контроль над двумя рынками, пополняя музыкальные коллекции заинтересованных американских университетов и колледжей, с одной стороны, и удовлетворяя интересы афганских потребителей традиционной музыки, с другой. Планировалось и использование этих записей на телевидении и в кинопроизводстве. Здесь можно вспомнить, что ни Бернская Конвенция 1886 г. по защите литературных и художественных произведений, ни Международная Конвенция об авторских правах 1952 г. не упоминали такого объекта защиты как традиционная музыка, хотя авторская музыка защищалась международными нормами защиты интеллектуальной собственности. Кроме того Афганистан, в то время — конституционная монархия, не был участником ни одной из этих конвенций. По своей сути этот

⁴ С переводом одной из глав этой интереснейшей книги читатели могут познакомиться на сайте издаваемого тем же издательством журнала «Критическая масса» (2006. № 4. <<http://magazines.russ.ru/km/2006/4/br13.html>>).

контракт был одним из случаев национализации традиции, вполне типичным для национализирующихся государств, в исторической череде которых Афганистан оказался одним из последних. Для антропологов и историков культуры интересными моментами являются использование понятий фольклора и традиции в правовой практике, а также функционирование этих понятий в контексте новых технологий, превращающих уникальные фольклорные события в то, что Бруно Латур, подчеркивая фиксированность и неизменность, с одной стороны, и способность к стереотипизированному воспроизводству, с другой, назвал «неизменной движимостью» (“immutable mobiles”) [Latour 1986].

К концу 1980-х гг. защита копирайтом произведений фольклора стала массовой. Расширился и спектр объектов такой защиты: она стала охватывать не только музыкальные или художественные произведения с точной атрибуцией их происхождения (принадлежности конкретному традиционному сообществу), но и древности, атрибуция которых была в лучшем случае спорной — петроглифы, археологические находки и даже природные памятники. Под защиту попали многие произведения устного фольклора (мифы, сказки, легенды), а также танцы и ритуалы, племенные названия и элементы традиционного знания, касающиеся целительства. В законодательстве многих стран появились специальные акты, защищающие произведения традиционной культуры и регулирующие их копирование, использование и оборот в массовом производстве. По вполне понятным обстоятельствам, в разработке права на защиту фольклора копирайтом приняли активное участие не только юристы и заинтересованные компании, но и фольклористы, антропологи, музейные работники и лидеры различных организаций, выступающих от лица коренных народов. Например, в США в 1990 г. появился «Акт о защите захоронений коренных американцев и репатриации» (Native American Graves Protection and Repatriation Act)⁵. В соответствии с ним все музеи, в чьих коллекциях содержались соответствующие археологические находки, должны были в пятилетний срок после публикации закона провести переговоры с представителями первых наций и вернуть эти предметы в распоряжение тех племен, на землях которых они были обнаружены. Для новых находок предоставлялся трехмесячный срок для их научного изучения, после чего они должны были поступать в распоряжение того племени, которое на них претендовало. Переговоры сотрудников музеев с представителями коренных народов США не всегда заканчивались компромиссом. В большинстве случаев сроки передачи артефактов были продлены до строительства соответствующих хранилищ на территориях резерваций, в некоторых случаях старейшины племен предпочли не возвращать свое культурное достояние, но было и множество случаев, когда музейные предметы были возвращены и утрачены, поскольку использовались

⁵ <<http://www.nps.gov/nagpra/mandates/25usc3001etseq.htm>>.

в повседневной деятельности. Например, представители индейцев хопи заявили, что вся их культура священна и все, произведенное хопи, включая слова их языка, должно быть возвращено и не может использоваться никем более [Brown 2004: 14–16].

На сайте существующей с 1967 г. Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) появилась страница, посвященная традиционному знанию, проблемам генетических ресурсов, произведениям традиционной культуры и фольклору. Традиционные культурные произведения определяются создателями этого сайта как включающие музыку, искусство, рисунки и орнаменты (designs), имена, знаки и символы, ритуалы (performances), архитектурные формы, ремесленные изделия и повествования (narratives)⁶. В 1985 г. ВОИС вместе с ЮНЕСКО разработала модельные нормы национальных законов по защите произведений фольклора от незаконной эксплуатации и других приносящих ущерб действий [UNESCO 1985]. Сегодня ВОИС объединяет 184 государства, включая Россию. В июле 2011 г. ВОИС в сотрудничестве с Роспатентом планирует проведение 12-дневной летней школы в Санкт-Петербурге, в программу которой включены такие темы как интеллектуальная собственность и биоразнообразие, традиционное знание, генетические ресурсы и традиционные культурные произведения⁷.

Но все-таки защита фольклора авторским правом остается относительно новым и дискуссионным явлением, не только в силу того обстоятельства, что авторское право обычно защищает права конкретных авторов или юридических лиц, а не коллективного и с трудом определяемого законодательством фольклорного «автора», но еще и потому, что этот сегмент права сосуществует сегодня с противоположным по духу движением за свободный обмен интеллектуальными знаниями и культурными достижениями — так называемое Creative Commons, охватившее сегодня уже 80 стран и противостоящее известному режиму авторского права Copyright. Кроме того, кажется странным налагать ограничения на то, что еще вчера находилось в общем пользовании и являлось частью общественного достояния.

В связи с обсуждением этих конкурирующих режимов защиты авторского права нужно отчетливо понимать, что в правовом отношении копирайт представляет собой не право, а монополию. Об этом еще более 150 лет назад говорил известный британский историк лорд Маколей, выступая в Палате Общин во время обсуждения поправок к закону об авторском праве. Целью законопроекта было продление срока действия авторского права на книги до шестидесяти лет с момента смерти автора. В ответ на это предложение Маколей произнес ставшую впоследствии знаменитой речь, в результате которой законо-

⁶ <<http://www.wipo.int/tk/en/folklore/>>.

⁷ <http://www.wipo.int/academy/en/courses/summer_school_russia/index_ori.html>.

проект был отклонен 45-ю голосами против 38-ми. Ключевым моментом этой речи были следующие слова:

Авторское право — это монополия и вызывает все те последствия, которые общее мнение человечества приписывает монополиям <...> обычный эффект монополии — это оскудение предложения товаров, их дороговизна и низкое качество <...> Желательно, чтобы авторы были вознаграждены; вызывающий наименьшие возражения способ такого вознаграждения — это монополия. С другой стороны, монополия — это зло. В интересах общего блага мы должны прибегнуть ко злу; но зло не должно длиться ни на один день дольше, нежели это необходимо для обеспечения блага⁸.

Коль скоро автором фольклорных произведений является коллективный субъект — народ, то и монополия становится в этом случае вечной, что не может не оказывать удручающего влияния на развитие культуры.

Лоуренс Лессиг, один из разработчиков режима свободного лицензирования, в интервью журналу Всемирной организации интеллектуальной собственности объяснял внедрение Creative Commons как создание чего-то среднего между прежним режимом копирайта и его полным отрицанием: «Многие люди верили в копирайт, но не считали, что их творчество должно регулироваться столь жестко, как в модели, приватизирующей все права <...> добровольная система является по своей сути лицензией на копирование, но она также утверждает ценности, на которых основаны творческая среда или экология, где правила обмена не определяются коммерцией, но зависят от способности делиться и свободно развивать то, что сделали другие» [Lessig 2011: 4]. В своей книге «Свободная культура» Лессиг приводит огромное число случаев, когда копирайт и патентование изобретений, придуманные и внедренные для стимулирования творчества и защиты творческих прав, оказались барьерами на пути прогресса и развития и на десятилетия блокировали научный и творческий поиск в различных областях науки и техники [Лессиг 2007].

С курсом насаждения рынка в науке, образовании и культуре были не согласны многие развивающиеся страны, пострадавшие от патентной политики Запада, например, в области фармакологии и медицины, и блокировавшие введение ряда международных соглашений под эгидой ВОИС. В ответ западные страны перенесли основную деятельность по международным патентам и лицензиям в ВТО, где они составляли большинство, создав Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). Российское правительство, стремясь к членству в ВТО, проводит сегодня все более жесткий курс в отношении авторских прав и лицензирования, свидетельством чего является не только вхождение в 2009 г.

⁸ Полный перевод этой речи представлен на сайте Московский Либертариум <<http://www.libertarium.ru/mascaulay-ru-002>>.

в систему обязательств по копирайту и защите постановок и фонограмм [WIPO Copyright Treaty 2009; WIPO Patent Law Treaty 2009], но и скандал с оцифровкой библиотечных фондов, в котором основная борьба проходила между ВОИС и группой российских теле- и киномагнатов во главе с Н.С. Михалковым, с одной стороны, и сторонниками Creative Commons во главе с президентом Ассоциации интернет-издателей И.И. Засурским, с другой (интересующийся читатель легко обнаружит все материалы и аргументы сторон в Интернете).

В этом коротком перечне проблематики, с которой мы сталкиваемся при распространении копирайта на произведения фольклора и традиционной культуры, я не смог коснуться и сотой части вопросов, встающих в этой связи перед представителями самых разных профессиональных сообществ, организациями коренных народов и обществом в целом. Исследователей в области социальных наук эта проблематика касается не только в качестве прямого объекта изучения, но и как участников создания и использования интеллектуальной собственности, а также как граждан государства. Я надеюсь, что обсуждение представленных ниже вопросов позволит антропологам и российскому обществу в целом лучше понять сложность проблем в этой области, с которыми российское общество только еще начинает знакомиться. Вот эти вопросы:

- 1. Из приведенных историй ясно, что проблема «культура и собственность» существует. Юридически она, возможно, решается, но этим должны заниматься юристы. Для нас важно отнестись к происходящему как к объекту исследования, понять, что же все-таки происходит. Какого рода представления лежат в основе этих конфликтов? Как понимается при этом объект культурной собственности? Как выстраиваются отношения защитников своей культурной традиции с внешним миром?*
- 2. Почему подобных конфликтов не было 50 лет назад и что вызывает их появление сегодня? Как это связано (и связано ли) с глобализацией?*
- 3. В каком состоянии (на каком этапе развития) находятся подобные конфликты в вашей стране? Насколько серьезно они исследуются общественными науками?*
- 4. Каковы возможные сценарии развития этих сюжетов и насколько они значимы для той области науки, которой вы занимаетесь?*

Библиография

- Лессиг Л.* Свободная культура: как медиаконцерны используют технологии и законы для того, чтобы душить культуру и контролировать творчество. М.: Прагматика Культуры, 2007.
- Brown M.F.* Who Owns Native Culture? Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2004.
- Dommann M.* Lost in Tradition? Reconsidering the History of Folklore and its Legal Protection since 1800 // Ch.B. Graber, M. Burri-Nenova (eds.). Intellectual Property and Traditional Cultural Expressions in a Digital Environment. Cheltenham, Northampton, MA: Edward Elgar, 2008. P. 3–16.
- Latour B.* Visualization and Cognition: Thinking with Eyes and Hands // Knowledge and Society. Studies in the Sociology of Culture Past and Present. 1986. Vol. 6. P. 1–40.
- Lessig L.* An Interview // WIPO Magazine. 2011, February. No. 1. P. 4–6.
- Probin A.* The Roo is Taboo, Australians Told; Suit Claims Copyright on Native Animals // Herald Sun (Melbourne). 2002, Jan. 30. <<http://www.williams.edu/go/native/rooemu.htm>>.
- [UNESCO 1985] Model Provisions on National Laws for the Protection of Expressions of Folklore Against Illicit Exploitation and Other Prejudicial Actions. UNESCO; OMPI/WIPO, 1985.
- Oxley S.* Figure-Skating Russians Surprised after Dance Offends Aborigines // Reuters. 2010, Jan. 21. <<http://www.reuters.com/article/idUSTRE60K50V20100121>>.
- WIPO Copyright Treaty. 2009, Feb. 5. <http://www.wipo.int/wipolex/en/wipo_treaties/details.jsp?treaty_id=16>.
- WIPO Patent Law Treaty. 2009, Aug. 12. <http://www.wipo.int/wipolex/en/wipo_treaties/details.jsp?treaty_id=4>.

Рис. 1. Дядюшка Кев с похищенным гербом Австралии
(фото с сайта Nuclear Free News <<http://www.nuclear-free.com/english/buzzacott2.htm>>)

Рис. 2. Российские фигуристы Оксана Домнина и Максим Шабалин исполняют танец аборигенов (фото с сайта <<http://www.smh.com.au/opinion/politics/russian-ice-dancers-should-rethink-their-routine-20100121-mnwj.html>>)

